

И.В. Карацуба

В ДВУХ ЗЕРКАЛАХ: ИСТОРИЯ ВОСПРИЯТИЯ ТРАКТАТА ДЖАЙЛСА ФЛЕТЧЕРА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Осенью 1951 г. в Лондоне увидела свет двухсотстраничная книга дипломата и ученого Джайлса Флетчера с длинным, по моде того времени, названием — “О Государстве Русском, или Образ Правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой Страны”. Казалось, что на волне интереса английского общества к описаниям далеких заморских стран все предвещало ей коммерческий успех — и личность автора, и тема, и исполнение. Получилось же совсем наоборот — дело закончилось скандалом и изъятием большей части тиража по требованию английских купцов, торговавших с Россией. Отголоски этого скандала слышны и до сих пор.

Флетчер был хорошо образованным англичанином из семьи церковнослужителя, учился в Итоне и Кембридже, активно участвовал в бурной студенческой жизни, писал стихи и поэмы по-латыни. Затем он почти 15 лет преподавал древнегреческий язык и искусство в одном из старейших и лучших колледжей Кембриджа — Кингс Колледже. Будучи уже 34-летним деканом отделения искусств, Флетчер решил посвятить себя изучению юридических наук и благодаря своим способностям и упорству через два года получил степень доктора гражданского права. Перед ним открывалась заманчивая перспектива политической карьеры, и он не преминул ею воспользоваться при помощи своего старшего друга дипломата Томаса Рэндольфа.

После нескольких лет работы в Лондонском казначействе и английском парламенте Флетчер вступил на дипломатическое поприще, приняв участие в посольствах в Шотландию и Гамбург. Наконец настал его звездный час — летом 1588 г. Флетчер был отправлен послом в Россию, ко двору царя Федора Иоанновича и всесильного Бориса Годунова. Очевидно, это назначение состоялось не без участия Рэндольфа, который 20 годами ранее был послом при дворе отца Федора, Ивана Грозного, причем при весьма непростых обстоятельствах опричного времени. Кстати, секретарем у него служил поэт Джордж Тербервилль, впервые в мировой литературе описавший Россию в стихах (эпистолы 1568—1569 гг.). Парадоксальным образом Флетчеру, как оказалось, предстояло сделать то же самое, но на языке систематизированного академического трактата.

Разумеется, у него были предшественники, в записках которых уже были собраны многие сведения о России, выработаны подходы к ее осмыслению и поставлены, если так можно выразиться, главные к ней вопросы, например австрийский дипломат барон Сигизмунд фон Герберштейн, совершивший два путешествия ко двору Василия III и описавший страну в своих знаменитых “Записках о московских делах” (1549). Именно он, признавший, что “властью над своими подданными московский правитель превосходит всех монархов мира”, впервые задумался над тем, “народ ли по своей жестокости превратил князя в тирана или тираническая власть князей привела к жестокости и загроубелости народа”. Для Герберштейна вопрос оставался открытым... Впоследствии тема непростых взаимоотношений русской власти и общества станет одной из самых популярных в сочинениях иностранцев о России.

Много сделали и многочисленные соотечественники Флетчера, английские мореплаватели и купцы, открывшие в 1553 г. Северный морской путь в Россию через Белое море (к их собственному немалому удивлению: ведь искали они северо-восточный проход в Китай, согласно географическим представлениям того времени). Сочинения первым ступившего на Русскую землю главного кормчего экспедиции 1553 г. Ченслера, дипломата и географа

Дженкинсона, посла Бауса, упомянутых Рэндольфа с Тербервилем были хорошо известны английскому читателю XVI в. и любимы им за свои красочные географические и этнографические описания. Вообще, по данным академика М.П. Алексеева, в английском языке конца XVI в. было распространено несколько русских слов, которые были понятны без перевода, например “квас”, “соболь”, “наш”, “кнут”, “однорядка”. В пьесах младшего современника Флетчера Уильяма Шекспира Россия и русские упоминаются около десяти раз: тут и “свирепые русские медведи”, и телесная дородность русских людей, и длинное свободное платье, и невероятные морозы.

Все это свидетельствовало о близости стран как результате оживленных, хотя и далеко не безмятежных торговых, экономических и дипломатических контактов. В этом плане, казалось, книга Флетчера о России, с ее энциклопедическим охватом, строго логичным изложением самых разнообразных сведений и одновременно легким, увлекательным языком, должна была бы стать хитом у читателей. Она и стала — у “группы читателей”, проработавших ее “с карандашом в руках”, пришедших в ужас и аргументированно поделившихся этим своим сильным чувством с первым министром королевы Елизаветы Уильямом Сесилом, лордом Бэрли в длинной петиции. Именно этот документ и решил на ближайшие 50 лет судьбу книги.

Речь идет о представителях знаменитой Московской компании, которая образовалась в 1555 г. в Лондоне для торговли с Россией и просуществовала до 1917 г. Она была одной из первых европейских крупных купеческих компаний, построенных по типу открытого акционерного общества и приносивших немалый доход — до 400% на вложенный капитал. В ее учредительных документах фигурировал 191 член, включая королевских министров, членов парламента, купцов и даже купеческих вдов, ведших дела своих мужей после их смерти. К концу XVI в. число членов удвоилось и продолжало расти.

“Золотой век” Московской компании и английской торговли в России — это первые 60 лет ее существования. Именно в это время в результате благоприятной политики московских государей и совершенно фантастической активности самих англичан компания практически колонизировала Европейский Север и центр страны, создав сеть факторий со знавшим русский язык персоналом (в Москве, Холмогорах, Вологде, Ярославле и т.д.). Англичане наладили транзитную торговлю с Персией по Волге и пытались прорваться к сибирским пушным и минеральным богатствам. Компания вывозила корабельный и строительный лес, пеньку, воск, меха, моржовый клык, икру, ворвань, сало и даже соль. Ввозила же в основном две категории товаров — эксклюзив для элиты русского общества (тонкое сукно и дорогие ткани, европейские вина и оружие) и боеприпасы для погрязшей в 25-летней Ливонской войне за балтийское побережье русской армии (порох, селитру, свинец). Хрестоматийный факт, показывающий важность для Англии торговли с Россией, — это то, что знаменитый английский флот, разгромивший в 1588 г. Непобедимую армаду, был практически весь построен из русского леса и оснащен канатами из русской пеньки. Впрочем, и русская армия своими первоначальными победами в Ливонской войне во многом была обязана английским товарам и специалистам.

Разумеется, столь бурная и успешная деятельность компании в Московском царстве неизбежно порождала трудности во взаимоотношениях с тремя основными контрагентами англичан — московскими самодержцами, русскими чиновниками и отечественным купечеством. Иван Грозный, давший компании беспрецедентные льготы и привилегии, сделал это в надежде прорвать с помощью английской короны и купечества политическую и технико-экономическую блокаду страны. В годы опричнины Иван пытался даже просить в Англии политического убежища и одновременно посвататься к одной из родственниц королевы.

Когда же время показало тщетность надежд на заключение военного и политического союза стран (интересы Англии носили чисто торговый характер), взбешенный царь продиктовал свое знаменитое письмо от 24 октября 1570 г. Елизавете: “И мы чаяли того, что ты на своем государстве сама государыня и сама владеешь... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют. И не токмо люди но мужики торговые, и... ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица”. “Похлая” по отношению к королеве-девственнице надо понимать как “обычная, простая”. Презрительное отношение царя к “мужикам торговым”, которым только “пошлые девицы” могут по своей слабости покровительствовать, разделяли и царские чиновники, дьяки и подьячие различных приказов, воеводы и т.п. — все жадное коррумпированное племя нарождавшейся русской бюрократии, требовавшее взяток, откатов и использовавшее малейший повод для их увеличения. А поводы эти нередко доставлялись жалобами и доносами русских купцов, не прощавших англичанам их опыта, оборотистости и здорового корпоративизма, а более всего — данных им царской властью привилегий.

Именно вследствие этих обстоятельств купцы Московской компании честно признались, что, зная московские порядки, “в величайшей степени опасаются того, что недавно выпущенная доктором Флетчером книга, посвященная Ее Величеству и озаглавленная О Государстве Русском, навлечет на компанию великий гнев царя и будет угрожать безопасности как ее служащих, так и товаров... если только не будут приняты срочные меры по изъятию всех напечатанных книг”. Что же так испугало купцов?

В своей петиции они сформулировали две главные и совершенно неприемлемые в труде Флетчера вещи и сделали дополнительно 17 замечаний по тексту, указав на наиболее “оскорбительные для русских” места. К главным огрехам трактата кембриджского учено-юриста, по мнению Московской компании, относится подробное описание страны, ее вооруженных сил и доходов царской казны со способами их сбора, “ибо москвиты считают оскорбительным для себя интерес посторонних к такого рода вещам”, а также “те крайне резкие выражения”, в которых описаны “особы государя императора, его отца, брата и лорда Бориса Федоровича протектора и характер народа в целом”. Компания не сомневалась, “что месть падет на головы ее служащих в России, коснется находящихся там товаров и, в конце концов, навсегда разрушит торговлю с этой страной”.

К наиболее неприемлемым местам текста авторы петиции отнесли: характеристику русского политического режима как тиранического; русской налоговой системы как “клонящейся к выгодам и интересам одного царя” и конфискационной по своему характеру; утверждение о “рабской зависимости” всех сословий от царской воли и развращенности нравов (распространение проституции и гомосексуализма); констатацию факта господства неписаного права и отсутствия “многих хороших законов, защищающих простых людей”, а также несколько прогнозов на будущее, сделанных автором в виде выводов из проведенного анализа.

О последних стоит сказать особо. Флетчеру удалось сделать то, что редко получается у западных аналитиков русской действительности, — предсказать важнейшие события, впоследствии действительно осуществившиеся. Он писал, что жизнь сводного брата царя, малолетнего царевича Дмитрия, “находится в опасности от покушений тех, кто простирает свои виды на обладание престолом” (прозрачный намек на Годунова). Как известно, Дмитрий погиб в Угличе за несколько месяцев до выхода книги в Лондоне. Современники почти единодушно сочли, что это было убийство, задуманное Годуновым. Флетчер писал, что династия находится в опасности и может пресечься со смертью бездетного Федора Иоанновича — именно так и получилось. Наконец, ученый-юрист пришел к выводу, что “низкая политика и варварские поступки” Грозного, хоть и прекратившиеся при Федоре, “так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть,

что (по-видимому) это должно окончиться не иначе как гражданской войной”. Кстати, интересно, что в оригинале стоит выражение “civil flame”, а в наиболее часто используемом русском переводе Д.И. Гиппиуса и М.А. Оболенского — “всеобщее восстание”. Смутное время — первая гражданская война в России — действительно началось в конце царствования Бориса Годунова, через 12 лет после выхода книги Флетчера. Как говорилось в советских учебниках научного коммунизма, практика — критерий истины...

Примечательно, что при всей своей критичности в отношении русских властей к народу Флетчер относился с сочувствием и симпатией. На вопрос, поставленный еще Герберштейном, об источнике зла в политической системе страны он отвечал следующим образом: “Что касается до этих свойств и образа жизни, то они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов, для развития их дарований воспитанием и наукой... Образ из воспитания (чуждый всякого основательного образования и гражданственности) признается их властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство”.

Кстати, сама Московская компания нигде не говорит, что сведения Флетчера ошибочны или неверны, а лишь указывает на опасность их с точки зрения реакции московских властей. Претензии купцов, как мы видим, носили глобальный характер: компания сочла сам замысел книги, т.е. честной и последовательной аналитики, и его исполнение опасными для себя. Первый министр королевы и сама Елизавета с этим согласилась, и оставшийся тираж флетчеровского труда был конфискован. Горе уму — счастье бизнесу... В библиотеке Тринити колледжа Кембриджа хранится один из редких экземпляров издания 1591 г. с надписью, в которой некий У. Далли предупреждает своего “достопочтенного друга мистера Палмера” о том, что оставшиеся экземпляры запрещенной книги редки, и умоляет быть осторожным с ней. Пометы сходного характера имеются и на экземпляре издания 1591 г., хранящемся в отделе “Россика” Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Дальнейшая судьба книги — как в Англии, так и в России — сложилась совершенно удивительным образом. Многие книги о России, написанные иностранцами, весьма непросто шли к читателям, были окружены ореолом скандала и стали воистину “притчей во языцех” — достаточно вспомнить судьбу книги Астольфа де Кюстина о николаевской России или “Россию во мгле” Герберта Уэллса. Но все злоключения этих сочинений меркнут перед удивительным по драматизму четырехсотлетним путем книги Флетчера.

Через семь лет после конфискации книги, в 1598 г., она все-таки была переиздана Р. Хэклуйтом в первом томе своего знаменитого и чрезвычайно любимого читателями собрания “Важнейшие мореплавания, путешествия и открытия английской нации”. Правда, в совершенно изуродованном виде, где половина глав (14 из 28) была выброшена, а другая тщательно отредактирована с целью убрать любую критическую или неблагоприятную информацию

о России. В следующем собрании такого рода, изданном Сэмюэлом Пёрчесом в 1625 г., составитель прямо указал, что он “исключил или смягчил оскорбительные или наиболее горькие места книги, где автор говорит о русском правительстве, с целью сделать доброе дело дома и не навредить за рубежом” (“that I might doe good at home, without harme abroad”). Все эти купюры опять же коснулись глав об образе правления, царском доме, взаимоотношениях власти и общества, нравах и обычаях народа.

Практически полную версию книги смогли опубликовать лишь в 1643 г., в момент острейшего противостояния короля и парламента, как напоминание об опасностях тирании. Но и здесь сделали важную купюру — убрали верноподданническое вступление, всячески прославлявшее правление королевы Елизаветы I как полную противоположность московской

тирании. При Кромвеле сочинение Флетчера вышло в аналогичном виде двумя изданиями 1656 и 1657 гг. и было высоко оценено Джоном Милтоном, будущим автором “Потерянного и обретенного рая”, написавшим в 1648 г. свою собственную компилятивную “Историю Московии”. Наконец, в “Полном собрании мореплаваний и путешествий” Джона Харриса 1705 г. сочинение Флетчера опять вышло с существенными купюрами, вызванными, очевидно, напряженными дипломатическими отношениями стран в ходе Северной войны.

Первое полное издание Флетчера под редакцией Эдварда Бонда появилось лишь в 1856 г., причем оно открывалось огромным почти стостраничным введением, в котором прослеживалась история создания текста, и содержало важные для понимания смысла книги приложения — дипломатические документы, полный текст петиции Московской компании с просьбой о запрете книги и т.д. В это же время она была переведена на русский (1848) и французский (1864) языки. Но пик популярности сочинения Флетчера пришелся на вторую половину XX в., когда в 1960-е гг. одно за другим вышли четыре (!) ее издания, в том числе академическое под редакцией Ллойда Бэрри (1964) и факсимильное под редакцией Ричарда Пайпса (1966). Последнее по времени издание на английском языке относится к 2003 г. — на сей раз сочинение Флетчера открывает 12-томное издание репринтов записок иностранцев о Русском государстве XVI—XVII вв. под редакцией автора нескольких книг по ранней европейской “Россике” Маршалла По.

В “богохранимой стране нашей российской” судьба книги складывалась еще более непросто. Опасения английских купцов оправдались в том смысле, что книга Флетчера попала в Россию и осела в архиве Посольского приказа (впоследствии — Министерства иностранных дел), откуда ее извлек в начале XIX в. Н.М. Карамзин, работавший над “Историей государства Российского”. Как считают историки, резкостью критики Ивана Грозного монархистом Карамзиным в 9-м и 10-м томах его труда (1816) мы обязаны в основном информации Флетчера. С этого момента начинается удивительная и парадоксальная ситуация: книгу постоянно цитируют и используют, без ее информации не обходится ни одна отечественная работа по царствованию Ивана Грозного, Федора и Бориса, но все попытки издания перевода Флетчера в России до революции 1905 г. оканчивались неудачей.

Поразительная история развернулась в конце николаевской эпохи, когда в 1848 г. в 23-м томе издававшихся при Московском университете “Чтений в Обществе истории и древностей российских” вышел наконец подготовленный переводчиком московского архива Министерства иностранных дел Д.И. Гиппиусом и директором архива князем М.А. Оболенским перевод сочинения Флетчера. Это и было начало получившей печальную известность “истории Флетчера”. Профессора Московского университета М.П. Погодин и С.А. Шевырев немедленно доложили о переводе критического сочинения министру народного просвещения С.С. Уварову, который использовал этот факт для мести своему давнему сопернику, главе московского цензурного комитета и московского учебного округа, а также председателю Общества истории и древностей российских С.Г. Строганову. Строганов был со строжайшим выговором отставлен от всех должностей, ученый секретарь общества профессор О.М. Бодянский уволен из Московского университета и назначен профессором в Казань, а весь тираж конфискован. А.В. Никитенко так прокомментировал эту историю в своем знаменитом дневнике: «Строганов, по выражению Гоголя, “нагадил” Уварову, Уваров — Строганову. Это в порядке вещей на святой Руси, где такие явления между государственными людьми только доказывают обычную и глубокую безнравственность, к которой все привыкли. Но за что погибла книга Флетчера, книга полезная для нашей истории? За что пострадал секретарь Общества Бодянский..? За что парализовано Общество?»

Немногим легче складывалась судьба запрещенной книги и в либеральное царствование Александра II. Конфискованные экземпляры книги были оставлены на хранение в университетской типографии, и в начале 1860-х гг. Бодянский поднял вопрос о выпуске в свет уже напечатанных листов. Вопрос несколько раз рассматривался на самом высоком уровне, вплоть до специального заседания комитета министров в 1864 г., когда 10 его членов проголосовали “за”, но председатель с 4 оставшимися — “против”, а сам император предпочел присоединиться к мнению меньшинства. И тем надолго закрыл возможность публикации книги, посвященной периоду до воцарения дома Романовых (даже по николаевскому цензурному уставу такие материалы было разрешено печатать без предварительной цензуры). Перевод удалось отпечатать в 1867 г. в Вольной русской типографии в Женеве крошечным тиражом, дошедшим до России в основном после 1905 г.

В 1891 г. вышел в свет специальный труд — магистерская диссертация ученика В.О. Ключевского С.М. Середонина «Сочинение Джилса Флетчера “Of the Russe Commonwealth” как исторический источник», но и этот отрадный историографический факт не повлек за собой публикацию русского перевода книги Флетчера. И консерваторам Николаю I и Александру III, и либерально настроенному Александру II равным образом казалось опасным позволить издание умной, но критической книги о России трехвековой давности. Зато, когда упали цензурные препоны в ходе первой русской революции, в 1905—1911 гг. вышло 4 различных издания книги на русском языке. При советской власти Флетчера не переиздавали, а в 1991 г. вышло последнее по времени научное издание — в составе хрестоматии сочинений иностранных дипломатов о России под редакцией Н.М. Рогожина, с переводом начала века и небольшим по объему комментарием. Наконец, в 2002 г. был издан репринт издания 1911 г. без каких-либо новых комментариев. Полного, прокомментированного академического перевода труда Джайлса Флетчера у нас нет до сих пор...

Вся эта история, точнее, истории вокруг книги Флетчера приводят к двум неутешительным выводам. Во-первых, что в XVI в., что в XXI в. правдивая, но неудобная информация о России и русских европейским бизнесом и истеблишментом успешно продается — за лес и пеньку или за нефть и газ. И конца-краю этому, мягко говоря, недальновидному цинизму не предвидится, особенно в условиях, когда к ядерному щиту прибавляется нефтяной меч и наступает эпоха “энергетической геополитики”. И во-вторых, нам по-прежнему неинтересно, что о нас пишут иностранцы. Иначе как объяснить тот поразительный факт, что ни в одном (!) учебнике по источниковедению отечественной истории, изданном в нашей стране с 1960 г., нет глав о сочинениях иностранцев о России. А ведь именно по ним, по этим учебникам, учатся студенты исторических специальностей институтов и университетов.